

Культурный ресайклинг: ОПЫТ (пост)советского

Составитель Валерий Вьюгин

От составителя

From the Editor

Валерий Вьюгин (ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Отдел теоретико-литературных и междисциплинарных исследований, ведущий научный сотрудник / СПбГУ, кафедра истории русской литературы, профессор; доктор филологических наук) valeryvyugin@gmail.com.

Valery Vyugin (Dr. habil.; Head Research Fellow, Center for Literary Theory and Interdisciplinary Research, The Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS / Professor, Department of the History of Russian Literature, Saint Petersburg State University) valeryvyugin@gmail.com.

Россия переживает эпоху тотального ресайклинга — ресайклинга советского. К этому факту можно относиться по-разному, но его нельзя отменить. Более того, уже три десятилетия, собственно с того момента, когда исчез СССР, процессы переработки социалистического «наследия» постоянно в центре общего внимания. Мы думаем о ностальгии по *той* «цивилизации», о неизжитых травмах революции и сталинизма, о горе, о необходимости наконец признать ложь и ошибки или, напротив, медитируем, как это ни печально, о реанимации величественного мифа или реванше. Призраки советского обитают в масс-медиа, без них просто немислимо современное российское искусство, они давно и крепко приручены политикой и культурой повседневности. В этом нет ничего удивительного. Прошлое действительно не изжито. Удивительно лишь то, что термин «ресайклинг», или, точнее, «культурный ресайклинг», имеющий за плечами более чем полвека истории, вполне популярный как на Американском континенте, так и в Европе, до самого недавнего времени был почти неизвестен в России.

Исследований, использующих терминологию или метафорику ресайклинга применительно к советскому, действительно немного, хотя ситуация ме-

няется буквально на глазах. Еще меньше таких, авторы которых выбирают это слово в качестве заглавного и, следовательно, в концептуальном отношении особенно значимого. Если остановиться на существенных первопродходческих работах — в 2005 году Соня Лурман опубликовала статью «Ресайклинг культурной конструкции: десекуляризация в постсоветской Марий Эл» [Luehrmann 2005]. Импульсом для нее послужили наблюдения над удивительно легкой, с точки зрения автора, переменой, которая произошла в республике после распада СССР: почти моментальное возрождение религиозной жизни и, соответственно, перепрофилирование светского пространства и уклада — от зданий до «советских» профессиональных навыков — под новые нужды. Не вдаваясь в историю понятия, Лурман тем не менее воспроизвела одну из его устойчивых трактовок. «Прежде чем подвергнуть нечто ресайклингу, — писала Лурман, — это нечто должно быть объявлено мусором и только затем его можно переделать в нечто иное, рассматриваемое как полезное» («In order for something to be recycled, it must first be declared to be trash, and then reworked into something else that is regarded as useful») [Luehrmann 2005: 37].

Выражение «культурный ресайклинг» обладает крайне широкой смысловой валентностью, и эта интерпретация, подразумевающая итерацию «потребность — бесполезность — потребность», далеко не единственная. Но, вне всяких сомнений, оказавшись одной из первых, она востребована до сих пор. Более того, как мы видим, она вполне применима к ситуации в постсоветской России.

Не сразу, но статья Лурман вызвала полемический отклик. Ровно десять лет спустя Жанна Кормина и Сергей Штырков опубликовали работу, в которой, оценив продуктивность предложенного подхода, все-таки выразили сомнения в некоторых не самых последних нюансах. Согласно наблюдениям Корминой и Штыркова, религия, несмотря на многие усилия, так и не приобрела в СССР статус «мусора» — «в действительности религиозный энтузиазм начала 1990-х годов был подготовлен длительным процессом легализации религии в советское время через ее локализацию в сфере “культуры”» [Кормина, Штырков 2015: 9]. Оставив в стороне вопрос о том, кто в этом споре прав, заметим только, что релевантность самой формулы ресайклинга (актуальность — забвение — возвращение), избежала скепсиса оппонентов Лурман.

В промежутке между двумя публикациями появилось еще одна небольшая работа, открыто отсылающая к ресайклингу. В 2013 году была напечатана статья Зинаиды Васильевой, название которой говорит само за себя: «Где находятся останки коммунизма? Ресайклинг памяти о советском в выставках и художественных произведениях» [Vasilyeva 2013]. Несколько позже Васильева защитила диссертацию, посвященную практикам DIY («сделай сам») в советской и постсоветской России, рассмотрев их в символическом, институциональном и материальном измерениях [Vasilyeva 2019].

В 2015 году Евгений Добренко опубликовал статью «Ресайклинг советского», где, в частности, обратил внимание на то, что «советский канон», соцреализм, стал предметом переработки еще в самом СССР, в первую очередь благодаря неподцензурному искусству — постмодернизму, соц-арту. В настоящее же время, согласно Добренко, значимость «советского» для людей искусства редуцируется: «...четвертьвековая история переработки советского прошлого становится историей трансформации *постсоветской* в *новую русскую* литературу» [Dobrenko 2015: 21], в контексте которой адресации к советскому обращаются в формальный прием.

С недавнего времени, как уже отмечалось, популярность темы в российском контексте стала расти. Она обсуждается в рамках конференций. Интерес к связанным с ней проектам начали поддерживать грантовые фонды. Буквально в последний год, пока предлагаемый блок готовился к печати, вышло еще несколько журнальных публикаций, сопрягающих терминологию «ресайклинга» и (пост)советское. С одной стороны, можно наконец сказать, что прорыв произошел. С другой же — приходится все-таки признать очередное опоздание отечественной академической «моды»: сегодня выражение «культурный ресайклинг» звучит уже не так свежо. На смену ему приходят *суб-, даун-, гипер-* и прочие ресайклинги, среди которых особой популярностью пользуется «апсайклинг». Успокаивает только одно: сами неологизмы последнего времени реутилизируют прошлое, то есть в данном случае выражение «культурный ресайклинг», а из сознательного обращения к «классике» всегда есть шанс извлечь выгоду.

Насколько действительно велик интерес к советскому в разных областях постсоветской культуры? Насколько релевантна сама метафора ресайклинга, вырванная из экологического и индустриального контекста в отношении перемен, которые произошли в России в последние тридцать лет? Как она соотносится с понятиями травмы, памяти, ностальгии? Не является ли избыточной? Что мы можем сказать о конкретных формах и механизмах ресайклинга недавнего прошлого? Таков круг вопросов, объединивший авторов предлагаемого блока.

Библиография / References

- [Кормина, Штырков 2015] — *Кормина Ж., Штырков С.* «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте / Под ред. Ж.В. Корминой, А.А. Панченко, С.А. Штыркова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 7—45.
- [Кормина Ж., Штырков С.] «Eto nashе iskonno russkoe, i nikuda nam ot etogo ne det'sya»: predystoriya postsovetsoy desekulyarizatsii // Izobreteniе religii: desekulyarizatsiya v postsovetsoy kontekste / Eds Zh.V. Kormina, A.A. Panchenko, S.A. Shtyrkov. Saint Petersburg, 2015. P. 7—45.
- [Dobrenko 2015] — *Dobrenko E.* Recycling of the Soviet // *Russian Literature: Since 1991* / Eds E. Dobrenko, M. Lipovetsky. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 20—44.
- [Luehrmann 2005] — *Luehrmann S.* Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Post-soviet Mari El // *Religion, State & Society*. 2005. Vol. 33. № 1. P. 35—56.
- [Vasilyeva 2013] — *Vasilyeva Z.* Où sont les restes du communisme? Recyclage de la mémoire soviétique dans les expositions et les œuvres d'art // *A Contrario*. 2013. № 19. P. 53—67.
- [Vasilyeva 2019] — *Vasilyeva Z.* From Skills to Selves: Recycling “Soviet DIY” in Post-Soviet Russia. Doctorat, Université de Neuchâtel, Neuchâtel, 2019.